

А-Да удивился:

— Уже утро! Это ты прибрался?

— Конечно, ты думал, куры сами умеют убираться?

А-Да рассмеялся, понимая, что задал глупый вопрос. Лаосань не ушел, а вместо этого встал рано утром, чтобы покормить кур. Удивление А-Да сменилось облегчением. На самом деле он был рад видеть Лаосаня.

Он решил не показывать свои эмоции и, сдержав улыбку, серьезно спросил:

— Что ты делаешь за деревом?

Лаосань, держа в руках несколько веток, вышел из-за дерева.

— Укрепляю курятник, доски слишком тонкие. Позже обнесу его сеткой, чтобы ни одна курица не сбежала.

А-Да подумал, что Лаосань, видимо, всерьез собирается остаться здесь надолго, но вслух сказал:

— Это бесполезно, днем они бегают повсюду, ты же не сможешь следить за ними целый день.

Лаосань фыркнул, выражая презрение к беззаботности А-Да. Он был уверен, что тот даже не знает, сколько кур у них есть — сколько вернется вечером, столько и будет. Это место было настоящей столовой для диких зверей.

Он не стал спорить с А-Да, а просто продолжил укреплять курятник. А-Да, наблюдая за ним со стороны, напомнил, чтобы тот не загородил вход, и пошел заниматься своими делами.

Дни в тропическом лесу были долгими. С четырех-пяти утра они старались успеть обработать курятник и огород до того, как солнце начнет палить. Хотя прополка не требовалась, работы в огороде было много: перекопка, посев, а в дождливые дни — рытье канав и установка подпорок, чтобы помидоры и баклажаны не сгнили. Иногда А-Да удобрял землю, используя кухонные отходы или просто измельчая ракушки и рассыпая их по почве. Он объяснил Лаосаню, что земле не нужно слишком много питательных веществ, достаточно и того, что есть.

А-Да любил говорить: «Достаточно и того, что есть». Но что значит «достаточно»? Как и во всем здесь, это определял сам А-Да, будто полагаясь на интуицию. Пробыв здесь какое-то время, Лаосань начал замечать, что овощи с этого дикого огорода действительно вкуснее многих органических продуктов, которые он пробовал раньше. Помидоры были настоящими помидорами, редька — редькой, а зелень и бобы обладали ярким вкусом, сочетая сладость и горечь. Он впервые узнал, что существует столько видов овощей. Только редьки здесь было больше двадцати сортов, разных форм и вкусов.

Лаосань попробовал фиолетовую редьку толщиной с палец и тут же выплюнул ее.

— Это что, горчица? Неудивительно, что ее никто не выращивает. Кто захочет есть такую острую редьку?

А-Да усмехнулся:

— Мы едим.

На обед действительно был суп с редькой. Свежие моллюски, принесенные утром, варились вместе с фиолетовой редькой, и ее острота полностью перешла в бульон. А-Да даже добавил имбирь, чтобы усилить вкус, и Лаосань ел, обливаясь потом.

Солнце, пробивавшееся сквозь листву, было нещадным, но после того, как пот высох, тело ощущало приятную свежесть. Лаосань снова попробовал фиолетовую редьку и обнаружил, что ее вкус стал сладким и освежающим, с хрустящей текстурой, которой не было у обычной моркови. Моллюски впитали аромат овощей, сделав суп невероятно вкусным.

Их еда по-прежнему была простой, но после тяжелой болезни Лаосань перестал привередничать. Ему стало интересно, почему еда вдруг стала такой вкусной. Может, потому что он знал, откуда берется каждый продукт, видел его «вживую», и ему было стыдно оставлять что-то на тарелке? Или его тело постепенно привыкло к местному климату после болезни?

Лаосань долго размышлял и пришел к выводу: потому что работа днем была чертовски изматывающей.

А-Да обращался с ним как с работником, не давая ни минуты покоя. От ежедневных забот в огороде и курятнике до чистки овощей, мытья посуды, уборки дома, починки инструментов и переноски тяжестей — Лаосань делал все.

Даже приготовление еды для привередливых школьников требовало огромных усилий. А-Да не мог сам производить все продукты, поэтому большую часть овощей, мяса и тофу приходилось покупать в деревне.

Иногда в душные послеполуденные часы, когда Дахуан мирно дремал, А-Да и Лаосань ездили на мопеде через лес в деревню.

Деревня состояла из тридцати с лишним домов, где выращивали свиней, кур, грибы, бананы, зелень, сладкий картофель, кокосы, а также торговали морепродуктами. А-Да знал всех жителей. Лаосань думал, что А-Да здесь знаменит, и, раз он постоянно покупает у них товары, ему должны давать скидки. Но оказалось, что все наоборот — А-Да платил больше, чем другие.

Лаосань втайне пожаловался одной из женщин, выращивающих овощи:

— Вы слишком жадные, берете за одно и то же два разных цены, это несправедливо!

Женщина посмотрела на него с презрением:

— Если не брать больше, как заработать? У А-Да требования намного выше, чем у других. Кроме запрета на пестициды, у него свои методы компостирования, полива, сбора и хранения урожая, даже утилизации отходов. Следуя его указаниям, работать приходится больше, а урожай получается меньше и хуже на вид. Если не брать больше, как быть?

Только тогда Лаосань понял, что А-Да приезжал днем, чтобы проверить состояние огородов, свинарников и тофу, обсудить, как живут свиньи, и сделать заказ. На следующее утро жители привозили ему то, что он заказал.

Лаосань подсчитал, что с такими строгими требованиями А-Да едва ли зарабатывал. Расходы на материалы почти равнялись доходу.

Чего он вообще добивался?

Однажды Чжоу Доцзинь зашел в гости и принес А-Да горный дуриан. Чжоу Доцзинь выглядел проворнее обезьяны, но когда А-Да спросил о его травмах, он с улыбкой показал свои ноги:

— Босс, посмотри, одна толще, другая тоньше. Врач говорит, это атрофия мышц, нужно тренироваться, чтобы ноги стали одинаковыми, как палочки, и тогда можно работать.

На взгляд Лаосаня, единственное отличие между ногами было в количестве волос. Но А-Да ничего не сказал, просто посоветовал ему отдохнуть.

Оставшись наедине, Лаосань с любопытством спросил Чжоу Доцзиня:

— А-Да женат?

— Да, женат, его жена живет в городе.

Лаосань удивился. Он спросил просто так, не ожидая, что А-Да действительно женат. Но, подумав, он понял, что А-Да, человек лет тридцати с привлекательной внешностью и характером, да еще и известный повар, в таком консервативном китайском обществе, как Сингапур, странно было бы не жениться.

— Почему он не живет с женой?

— Ой, какая женщина согласится жить здесь? Здесь даже душа и телевизора нет. А-Да говорит, что они расстались.

Чжоу Доцзинь понизил голос:

— Но она часто приезжает, на дорогом Land Rover. Его жена очень богата.

Лаосань словно открыл для себя новый мир и спросил:

— А дети у него есть?

— Нет, если бы были, он бы не жил в лесу.

— Хм.

Лаосань начал представлять себе разные сценарии. Он думал, что А-Да так усердно готовит для школы, возможно, из-за каких-то личных переживаний — может, его внебрачный ребенок учится там? Возраст, конечно, не совсем подходит, но и полностью исключать нельзя. Или, может, его девушка работает в школе? Но А-Да больше всего общался с добродушным филиппинским охранником, и никаких других связей заметно не было.

А-Да и не выглядел как человек с девушкой. Он относился ко всем здесь и в деревне одинаково — мог сесть и поговорить за чаем с кем угодно, был добродушен со всеми, но ни с кем не сближался.

Если говорить о ком-то, кого он действительно заботил, то это был только один человек. Однажды девушка, принеся тофу, вдруг сказала:

— О, я впервые вижу, чтобы А-Да кому-то клал еду в тарелку.

В этот момент А-Да положил кусок свиной печени в тарелку Лаосаня, который уже собирался возмутиться.

Оба замерли. А-Да положил кусок курицы в тарелку девушки и с улыбкой сказал:

— Ешь.

Девушка была рада, но, понимая, что получила «второсортное» угощение, не слишком обрадовалась. Она сразу же положила курицу в тарелку Лаосаня, с легким раздражением повторив:

— Ешь.

Лаосань, глядя на два куска мяса в своей тарелке, хотел плакать. Свиная печень с «слюной» А-Да — это еще куда ни шло, но теперь в тарелке оказался еще и куриный окорочок. Причем куриная попка. Он не понимал, почему все не могут просто есть из своих тарелок и не лезть в чужие.

<http://bllate.org/book/16329/1473845>